

УДК 008

А. В. Зайцев

<https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

**Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. Дедкова:
истоки, природа, сущность**

Для цитирования: Зайцев А. В. Гуманистическая онтология мировоззрения литературного критика И. Дедкова: истоки, природа, сущность // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 193–203. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-193-203

В статье рассматривается вопрос о природе, истоках и содержании гуманистического мировоззрения литературного критика И. Дедкова. Автор публикации полемизирует с существующими взглядами на данную проблему и предлагает, опираясь на конкретный эмпирический материал, собственный подход к решению данного вопроса. С точки зрения автора публикации субстанционально истоки гуманистического мировоззрения И. Дедкова находятся в лоне русской классической философии и русской дореволюционной философии. Кроме этого, как это вытекает из текстуального анализа различных вербальных источников, в том числе из эпистолярного наследия, дневников и литературно-критических статей И. Дедкова на него оказал большое влияние русский и западноевропейский экзистенциализм. Главной целью публикуемой статьи является реконструкция мировоззрения И. А. Дедкова в его динамике и развитии, определение его отношения к господствовавшим в то время марксистской философии и коммунистическому типу мировосприятия. В статье демонстрируется постепенный, но планомерный тренд трансформации мировоззренческих основ литературного критика от доминирования сталинистских элементов в общественных, политических и философских взглядах И. Дедкова к их критическому преодолению и формированию свободного и независимого восприятия окружающей действительности. Основные методы, на которые опирался автор статьи, это элементы системного анализа, индукции и дедукции, анализа и синтеза, биографического подхода, дискурсивного и нарративного анализа. В результате проделанной работы автору публикации удалось реконструировать основные элементы и черты гуманистического мировоззрения И. Дедкова, нашедшие отражение в его биографии и в литературно-критическом творчестве. В качестве одного из источников для написания данной статьи были использованы до настоящего времени не опубликованные письма И. Дедкова, хранящиеся в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова при Костромском государственном университете.

Ключевые слова: мировоззрение, литературная критика, марксизм, сталинизм, гуманизм, И. Дедков, русская классическая литература, философия, экзистенциализм.

A. V. Zaitsev

Humanistic ontology of the worldview in I. Dedkov's literary criticism: origins, nature, essence

The article examines the question of the nature, origins and content of the humanistic worldview of I. Dedkov, a literary critic. The author polemicizes with the existing views on this issue and offers his own approach to solving it using specific empirical material. From the author's point of view, the origins of Dedkov's humanistic worldview can be found in Russian classical philosophy and Russian pre-revolutionary philosophy. In addition, as it follows from the textual analysis of various verbal sources, including his epistolary heritage, diaries, literary and critical articles, I. Dedkov was strongly influenced by Russian and Western European existentialism. The main purpose of this article is to reconstruct Dedkov's worldview in its dynamics and development, and to determine his relation to the Marxist philosophy and communist worldview that prevailed at the time. This article demonstrates a gradual but systematic trend in the transformation of the literary critic's worldview from the dominance of Stalinist elements in Dedkov's social, political, and philosophical views to overcoming them and to forming free and independent perception of reality. The main methods the author relies on are the elements of system analysis, induction and deduction, analysis and synthesis, biographical approach, discursive and narrative analysis. As a result of this work the author of the article was able to reconstruct the main elements and features of I. Dedkov's humanistic worldview, as reflected in his biography and literary and critical work. The author used I. Dedkov's hitherto unpublished letters stored at the I. A. Dedkov Interregional scientific and educational center at Kostroma state university as a source for writing this article.

Keywords: worldview, literary criticism, marxism, stalinism, humanism, I. Dedkov, russian classical literature, philosophy, existentialism.

Введение

Игорь Дедков не только не был философом, но даже не написал ни одного философского текста. Однако это не значит, что «вечные вопросы» человеческого бытия были для него чужды; напротив, он живо интересовался философско-мировоззренческими проблемами, историей русской и западной философской мысли, вопросами марксизма-ленинизма, теории и практики социализма и коммунизма, читал доступные ему философские книги и статьи. «В центре его внимания постоянно присутствовали философские, так называемые вечные проблемы, а его осведомленность в новейшей философской литературе нетрудно обнаружить в текстах, которые он писал» [Дурилов, 2015, с. 61].

Происходившие исторические катаклизмы, свидетелем, очевидцем и участником которых был И. Дедков, требовали от него пересмотра одних, устаревших, философско-мировоззренческих позиций и восприятия новых идей и идеалов, приходящих на смену прежним. Мироззрение И. Дедкова хотя и менялось, но, по целому ряду фундаментальных вопросов общественного бытия, он сохранял в качестве ядра свои глубоко укоренившиеся в его мировоззрении ценности и принципы. Среди них можно назвать: гуманизм (человечность), веру в исторический прогресс, познания истины (правды), торжества социальной справедливости, нравственности, коллективных ценностей, истинного социализма и коммунизма. Данная статья посвящена важной и актуальной теме, которую мы формулируем так: гуманистическая онтология мировоззрения Игоря Дедкова: истоки, содержание, сущность.

Ф. Цанн-Кай-Си выделяет три этапа формирования мировоззрения Игоря Дедкова. Первый – это 1954–1955 гг. – «узнавание действительности», которое сопровождалось «углубленным изучением классической марксистской литературы» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Возразим сразу, поскольку стоит отметить, что мировоззрение у И. Дедкова существовало еще в школе и на первых курсах учебы на факультете журналистики МГУ. Это, как признавался сам Игорь Александрович, было откровенно сталинистское мировоззрение и ломка его происходила непросто. В статье «Кляняюсь московскому универси-

тету» он пишет так: «Мы кончили школу в пятьдесят втором, и мы были такими, какими должны были быть по высочайшему замыслу, и в наших студенческих чемоданчиках мы носили полный набор истин, отмыкающих любые замки... Мы были юными гражданами, знающими все на 100 лет вперед». При этом, продолжает И. Дедков, «мы вовсе не знали великого русского критика Аполлона Григорьева, не понимали Достоевского, не имели представления о русской философии и поэзии начала XX века» [Дедков, 2013а, с. 11–12].

Как следует из ряда высказываний самого И. А. Дедкова, на первых курсах университета его общественно-политические взгляды мало чем отличались от воззрений его современников, воспитанных в лоне сталинской агитации и пропаганды. Даже спустя год после смерти И. В. Сталина И. Дедков все еще оставался его адептом и эпигоном. И только с 1955–1956 гг. начались необратимые перемены в восприятии И. Сталина и сталинизма его роли в истории страны. В пятую годовщину со дня его смерти И. Сталина И. Дедков так опишет в неопубликованном письме своей невесте (хранящемся – как и другие его письма, цитирующиеся в данной статье – в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского гос. университета) трансформацию своего мировоззрения: «Сегодня знаменательный день – пять лет с тех с тех пор, как **мировоззрение** (выделено нами – А. З) пламенного сталиниста превратилось в оползень. Пять лет со дня смерти Сталина. Эта дата застаёт меня где-то на откосе, зацепившимся за дерево честности и преданности коммунизму».

Второй этап формирования мировоззрения И. Дедкова, по мнению Ф. Цанн-Кай-Си, приходится на 1956 год, когда произошел «перелом в отношении к Сталину» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Но этот «перелом», как мы показали выше, произошел несколько раньше.

Третий период – «вторая половина 1960-х годов», как пишет Ф. Цанн-Кай-Си – «это начало жизни и работы в Костроме» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12]. Однако здесь стоит заметить, что в Кострому И. Дедков приехал в сентябре 1957, а вовсе не во второй половине 1960 годов. Хотя именно в этот период происходит серьезный сдвиг в его мировоззрении, когда он – по нашему

глубокому убеждению – начинает дистанцироваться даже от журнала «Новый мир». Ведь на окружающий мир И. Дедков в этот период времени стал смотреть «шире, чем в рамках строгого марксизма», в то время как «новомировцы шли в его русле». Именно в этот временной период, по признанию самого критика, «у него началось уже другое мироощущение» [Дедков, 2013б, с. 44, 41].

Кстати, точка зрения И. Дедкова на социальную действительность далеко не во всем совпала с позицией журнала «Новый мир». Вслед за Ю. Буртиным, одним из сотрудников «Нового мира», он считал, что журнал при А. Твардовском был выразителем «демократической тенденции в социализме», проповедовавшем ту партийность, которая была задана XX и XXII съездами партии [Дедков, 1991, с. 5]. При этом И. Дедков ставит себе задачу: «Новый мир» надо преодолевать, расширяя площадки критики, уходя от его ортодоксии» [Дедков, 2005, с. 96]. Игорь Александрович вполне недвусмысленно заявляет, что поскольку «Новый мир» остается в плену «ортодоксии», то есть на позициях «строгого марксизма», который он сам преодолел, то ему «надо писать наперекор идейному правописанию» [Дедков, 2005а, с. 96].

Под влиянием чего же произошло его размежевание с «Новым миром»? Сам он объясняет это тем, что в Костроме, получив доступ к дореволюционным библиотечным фондам, начался «кадетской литературы». Что же читал в Костроме И. Дедков и что на него произвело столь сильное впечатление, что даже «Новый мир» показался ему, говоря современным языком, «недостаточно крут»?

Постановка проблемы

В статье «Наши железные копыта» И. Дедков подробно воспроизводит авторов книг, которые он сумел заполучить из дореволюционных фондов Костромской областной научной библиотеки: Ремизов, Ходасевич, Бердяев, Булгаков, Эрн, Розанов, «Вехи», «Несвоевременные мысли» Горького и др. [Дедков, 2013в, с. 120]. Это позволило критику установить обрести «духовную связь» с русской дореволюционной интеллигенцией, приняв от них «эстафету» [Дедков, 2005, с. 117]. «И пусть я не единомышленник их, но критицизм «Вех» я принимаю охотно, потому, что есть в нем не умершая до сих пор правда» [Дедков, 2005а, с. 118]. Не известно, был ли знаком И. Дедков с работой С. Булгакова «От марксизма к идеализму», но его

идейной развитие шло не по направлению к марксизму, а от него, как это было у многих русских дореволюционных философов, включая Н. Бердяева, в сторону от марксизма.

В противовес только что изложенной нами точке зрения на развитие мировоззрения И. Дедкова, Ф. Цанн-Кай-Си характеризует его движение от «строгого марксизма» к «реальному гуманизму» в ранней марксистской интерпретации. Но именно И. Дедков в интервью Г. Зубковой (на которое неоднократно ссылается Ф. Цанн-Кай-Си) пишет о том, что это «Новый мир» продолжал следовать в русле «строгого марксизма», [Дедков, 2013б, с. 44] в то время как у него к середине-концу 1960-х появилось уже совсем «другое мироощущение» [Дедков, 2013б, с. 41].

Что же понимает Ф. Цанн-Кай-Си под «строгим марксизмом» и насколько его точка зрения релевантна действительному положению дел?

Начнем с того, что словосочетание «строгий марксизм», которое приковало внимание Ф. Цанн-Кай-Си, И. Дедков использовал лишь в интервью Г. Зубковой. При этом сплошь и рядом в текстах Игоря Александровича встречаются схожие термины. К примеру, «реальный марксизм», который «уже 50 лет воплощаемый огнем и мечом» и при этом, как замечает И. Дедков, «нам доказывают, что М. и Э. ни в чем не повинны, что они прекрасные мыслители» [Дедков, 2005а, с. 99].

Или еще одно близкое понятие «действительный социализм», о котором И. Дедков упоминает в статье «Прозрение в темном зале» [Дедков, 1989, с. 239] Еще в одной статье он пишет о «подлинном социализме», который, начинается с учета человеческого фактора. И его главная суть состоит в прекращении разбазаривания человеческих сил и жизней. Эта идея, по свидетельству критика, «жила в воздухе шестидесятых», именно в этом и заключается главная суть «философии социализма» [Дедков, 1989, с. 212]. Еще одно определение социализма было дано И. Дедковым летом 1974 г., в дополнение к сформулированному в период «пражской весны» (1968 г.) концепту «социализма с человеческим лицом», в котором должны были соединиться идеи социализма и принципы демократии («демократический социализм»). Игорь Александрович пишет в связи с этим так: «Я бы добавил: с умным лицом, социализм умных людей» [Дедков, 2005а, с. 163].

Ф. Цанн-Кай-Си словосочетание «строгий марксизм» выносит в заголовок своей статьи, ошибочно считая его отправной точкой в эволю-

ции мировоззрения И. А. Дедкова и, как это мы продемонстрируем ниже, отождествляя «строгий марксизм» со сталинистской версией марксизма [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11–16]. «Строгий марксизм», – пишет Ф. Цанн-Кай-Си, – это что-то неопределенное, скорее метафора. ...Для самого Дедкова «строгий марксизм» – это марксизм доктринерский, догматический, представленный диалектическим и историческим материализмом Сталина. *Дисциплинарная система абсолютных истин...* Несмотря на то, что «строгий марксизм» постоянно декларировал свою приверженность диалектике, оставался настоящей метафизической системой, которая не имела ничего общего с классическим марксизмом» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 12].

Итак, в интерпретации Ф. Цанн-Кай-Си «строгий марксизм» – это «доктринерский» или «догматический» марксизм, «система абсолютных истин», не имеющая «ничего общего с классическим марксизмом». Однако, если обратиться к словарям и справочникам, то мы в них не найдем отождествления понятия «строгий» с «догматизмом» или «доктринерством». Вот, к примеру, как расшифровывается слово строгий в «Толковом словаре русского языка» С. Н. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1) Очень требовательный, взыскательный. 2) Суровый, жесткий. 3) Не допускающий никаких отклонений от нормы, совершенно точный. 4) Не допускающий отступления от правил поведения, от общепринятых моральных норм. 5) Правильный, не отклоняющийся от лучших образцов 6) Об одежде, внешности, обстановке: простой, без украшений, но свидетельствующий о хорошем вкусе [Ожегов, 2003, с. 774].

В словаре синонимов к прилагательному «строгий» названы такие синонимы и близкие по смыслу слова как: простой, серьезный, железный, холодный, а также более редко встречающиеся аналоги: классический, точный, правильный, аскетичный, безупречный, неукоснительный, педантичный и др. [Словарь синонимов]. Из 80 представленных синонимов и близких по смыслу слов здесь нет упоминания ни «догматизма», ни «доктринерства». А вот использование в качестве синонимов таких прилагательных как «классический», «точный», «правильный», – является вполне правомерным. Таким образом, «строгий марксизм» – это изначальный марксизм, адекватный его исходному аналогу без последующих примесей и интерпретаций. Чтобы понять тот «строгий марксизм», который был

создан непосредственно К. Марксом и Ф. Энгельсом, И. Дедков на последних курсах университета действительно обращается к трудам отцов-основателей.

В интервью И. Дедкова Г. Зубковой (уже зрелый и обладающий гораздо большим жизненным опытом, чем юный студент) говорит всего лишь о двух марксовых работах (о «Немецкой идеологии» и «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», последняя из которых почему-то названа им «Восемнадцатое брюмера»), а так же о том, что, кроме них, читал еще «еще что-то» [Дедков, 2013б, с. 38]. Но «что» именно входит в это «еще что-то» было прочитано – неизвестно, поскольку нигде больше (кроме данного интервью о чтении И. Дедковым каких-либо иных трудов Маркса) не упоминается. Но даже этих двух вскользь упомянутых работ для Ф. Цанн-Кай-Си оказалось вполне достаточно, чтобы превратить И. Дедкова в правоверного марксиста, преданного коммунизму.

Совершенно непонятно исходя из чего Ф. Цанн-Кай-Си делает выводы о том, что И. Дедков будто бы очень «внимательно читал марксовы работы», и что содержащиеся в них «идеи», «оказались близки И. Дедкову» [Цанн-Кай-Си, 2005а, с. 116, 117]. Как говорит в «зубковском» интервью сам Игорь Александрович, чтение первоисточников давало пищу уму, заставляло размышлять.

Начиная со второй половины 1960-х в СССР начало осуществляться фундаментальное издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но насколько И. Дедков мог быть с ним детально знаком, если в период его учебы в МГУ только-только вышли первые тома, в основном содержавшие ранние произведения классиков? Т. Елшина вполне справедливо замечает, что «ни в одной из своих критических статей, книг, ни в одном из своих публичных выступлений доперестроечного периода Дедков не цитировал классиков марксизма-ленинизма, как это было повсеместно принято» [Елшина, 2014].

Первая из двух названных в интервью И. Дедковым работ К. Маркса («Немецкая идеология») вышла из печати во второй половине 1956 года в третьем томе Полного собрания сочинений. Вторая работа («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») была напечатана (согласно выходным данным) в 1957 году в восьмом томе, то есть фактически уже где-то примерно после окончания И. Дедковым университета перед его отъездом по распределению на работу в Кострому. Поэтому,

вопреки выше приведенному утверждению Ф. Цан-Кай-Си, Игорь Александрович – в 1954–1955 гг. – не мог «углубленно изучать марксистскую литературу» (по крайней мере, эти две названные им, но в это время еще не вышедшие в свет работы К. Маркса из его полного собрания сочинений), тем более что даже первый том данного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса был издан только лишь в 1955 году и содержал в себе самые-самые (как и последующие тома) ранние (1842–1844 гг.) работы первого и сочинения второго (1839–1844 гг.) авторов.

Следует так же обратить внимание на следующий пассаж из интервью И. Дедкова Г. Зубковой, где он сообщает, что в то время никакой другой литературы, кроме марксистской, в СССР не существовало. Но даже чтение тщательно отобранной властью литературы заставило студента журфака «крепко задуматься» о соответствии марксистской теории реальному ходу истории. В частности И. Дедков упоминает о какой-то из работ Ф. Меринга, прочтя которую он сделал для себя выводы о том, что «прогнозы Маркса насчет революций – все они ошибочны. Маркс ошибся в расчетах» [Дедков, 2013б, с. 37].

Это была лишь первая «зацепка» (выражение самого И. А.), которая и заставила крепко «задуматься», и от которой, в конечном итоге, как настаивает сам И. Дедков, у «него начала работать голова» [Дедков, 2013б, с. 37], то есть появились сомнения, скептицизм в истинности теории даже такого авторитета, как К. Маркс. Если недоверие к И. Сталину заставило обратиться к первоисточникам, то после чтения доступной марксистской литературы у него родилось еще более критическое отношение и к оригинальному марксизму («строгому марксизму»), а не только к его сталинистской версии [Зайцев, 2020, с. 22].

Основная часть

Анализ «Дневников» Игоря Александровича еще больше подтверждает его крепнущее недоверие к марксистской теории. Так, летом 1957 года, то есть уже после завершения учебы в МГУ, но еще до отъезда в Кострому, он по сути дела солидаризируется с ревизионистом и анимарксистом Э. Бернштейном и с приписываемой ему фразой «движение все, конечная цель ничто» (в действительности она звучит так: «То, что понимают обычно под «конечной целью социализма», представляет для меня чрезвычайно мало смысла и интереса: эта цель, что бы она ни озна-

чала, для меня – ничто, движение – все») [Бернштейн, 1985, с. 37].

Для формулировки своей мировоззренческой позиции И. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [Дедков, 2005а, с. 21]. Но это литературный персонаж. В реальной жизни и сам И. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его после весенних событий 1957 года на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ и, где, по словам самого И. Дедкова, замсекретаря комитета комсомола Г. Попандопуло поставил его по сути дела в аналогичную ситуацию.

«Несколько лет назад, – пишет в «Дневнике» Игорь Александрович, – я был близок к таким идеям». Но теперь, то есть к моменту завершения учебы, его прежние взгляды претерпели серьезную трансформацию и подобный антигуманный подход к человеку для него стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (не на Э. Бернштейна!), он задумывается о выборе «средств, ведущих к миру справедливости». При этом вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах ее достижения» [Дедков, 2005а, с. 21]. Ведь если быть неразборчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [Дедков, 2005а, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [Дедков, 2005а, с. 21].

И если на раннем этапе жизни и деятельности И. Дедков еще не пользуется бернштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он ее начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а его противником. «Стократ руганная формула «Движение – все, конечная цель – ничто», наверное, справедлива», – откровенно заявляет он в одном из интервью и, конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [Дедков, 2005б, с. 87].

В предисловии книге В. Богомолова «Эта забытая далекая война» И. Дедков использует знаменитую формулировку из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребенка» (то есть о страдании невинного человека ради достижения каких-либо самых (высоки целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов – это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне с взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, – пишет литературный критик, – что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф. М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребенка. В истории Ивана Буслова нет слез, но страдания его тоже из неискупимых» [Дедков, Предисловие].

В 1957 году в журнале «Вопросы философии» И. Дедков прочел статью И. Кона «Опиум для интеллигенции, или философия истории Р. Арона», которая была посвящена критике и демонстрации несостоятельности философии истории этого французского философа-антимарксиста Р. Арона и его книги «Опиум интеллигенции». Однако ознакомившись со статьей советского философа-марксиста, И. Дедков согласился не с его критикой, а «на 90 %», как он сам пишет, солидаризировался с антимарксистской интерпретацией хода истории Р. Арона.

В небольшой статье под названием «Спор о поколении» И. Дедков пишет, что даже после смерти Сталина, во второй половине 1950-х годов, «время оставалось суровым», но наряду с этим это было «незабываемое состояние душевного и умственного подъема». И нравственный выбор заключался не в служении идеалам «истинного марксизма-ленинизма», а в верности «идеалам русского освободительного движения» [Дедков, 2013а, с. 15]. Источник гуманизма И. Дедкова заложен в нем традициями русской классической литературы, русской идеалистической и материалистической философии, идеями русского утопического социализма с которой он вплотную познакомился во время учебы и, особенно, после приезда в Кострому. Из костромской глубинки он так описывал своей будущей супруге ощущения по данному поводу: «Стране позарез нужны культурные образованные люди. Когда я сижу в каком-нибудь Парфеньеве, я ненавижу сытую блестящую Москву и прекло-

няюсь перед народниками 70-х».

В пользу высказанной нами мысли свидетельствует и тот факт, что имя К. Маркса в многостраничном «Дневнике» Игоря Александровича встречается только лишь 6 раз, да и то мельком. При этом в двух случаях в связи с аллюзией, навеянной сравнением марксовой бороды с бородой Б. Негорюхина. Ф. Энгельс назван там всего лишь 4 раза. Зато Л. Толстой упомянут 28 раз, А. Пушкин – 21 раз, Ф. Достоевский – 20 раз, А. Чехов – 14, В. Розанов – 12, М. Горький – 9, С. Булгаков – 9, Н. Федоров – 8, А. Герцен – 8, К. Леонтьев – 7, Н. Бердяев – 6 (ровно столько, сколько К. Маркс), М. Салтыков-Щедрин – 5, П. Чаадаев – 3, И. Аксаков – 3, Н. Михайловский – 2, Д. Мережковский – 2 [Дедков, 2005а]. И этот список – стоит заметить – состоит не из современных И. Дедкову авторов, а, таких, как и К. Маркс с Ф. Энгельсом, – мыслителей прежних поколений. В более поздний отрезок времени И. Дедков не раз будет демонстрировать знакомство с трудами таких русских философов, как Н. Шестов [Дедков, 1995б, с. 87], Н. Лосский [Дедков, 1995б, с. 90-91], того же Н. Бердяева [Дедков, 1995б, с. 67, 91], К. Леонтьева [Дедков, 1995б, с. 66], С. Булгакова [Дедков, 1995б, с. 133], знает он и работы современного ему и достаточно близкого по своим убеждениям философа, социолога и логика А. Зиновьева [Дедков, 1995б, с. 59]. На кого только не ссылается И. Дедков, каких только русских и западноевропейских философов (и О. Шпенглера, А. Токвиля, Т. Карлейля и др.), не цитирует или не упоминает.

Среди книг, оставшихся на рабочем столе Игоря Александровича вслед за его последней госпитализацией в больницу с последующем уходом из жизни, нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса или В. Ленина. Среди 21 книги, оставшиеся на письменном столе оказались сразу пять работ В. Розанова, по одной книге А. Пушкина, С. Булгакова, К. Леонтьева, Г. Федотова, А. Ремизова, 10 номер журнала «Вопросы философии» за 1991 год, а так же второй том Л. Троцкого «Сталин» и двухтомник К. Поппера «Открытое общество» [Дедков, 2005а, с. 595].

Ф. Цан-Кай-Си, анализируя эволюцию мировоззрения критика, приходит к выводу, что на заключительном этапе жизни и деятельности «взгляды Игоря Александровича на коммунизм совпадали с марксовой концепцией коммунизма как реального гуманизма, представленной в работах Маркса 1840-х и последующих годов»

[Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11]. По его убеждению будто бы с 1969 года в мировоззрении И. Дедкова открывается «новая веха в отношении к марксизму как к реальному гуманизму». Однако данные голословные тезисы не подкреплены реальными фактами и не выдерживают верификации с действительным положением дел.

В соответствии с точкой зрения французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера марксистского гуманизма просто не существует, поскольку марксизм и гуманизм это антиподы. Гуманизм – по Л. Альтюссеру был присущ К. Марксу, но лишь на самом раннем этапе, когда (до 1845 года) он находился под влиянием, с одной стороны, Г. Гегеля, с другой – Л. Фейербаха. Однако вскоре он, создав теорию исторического материализма, напрочь в результате так называемого «эпистемологического разрыва» отказался от «абстрактного», то есть общечеловеческого гуманизма и перешел на позицию «теоретического антигуманизма» [Альтюссер, 2006, с. 392 и след.], больше уже никогда не возвращаясь к своим юношеским идеям. Дело в том, что, с точки зрения Д. Альтюссера, гуманизм – это идеология, в то время как коммунизм – наука.

Да и как можно ли зачислять в разряд «гуманистов» теоретика, который безапелляционно утверждал: что «революции – локомотивы истории»? [Маркс, 1956, с. 86]. Или писал, что «насилие является повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым». При этом насилие это не моральная категория, а бездушная «экономическая потенция» [Маркс, 1960, с. 761].

Результаты исследования

В отличие от «теоретического антигуманизма» марксовой теории И. Дедков буквально пропитан гуманистическими идеями Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького и других русских дореволюционных писателей и философов. «Правители, которых можно желать, – пишет в «Дневнике» И. Дедков, – должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более чем в чем-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив

русскую классическую литературу, что невозможно» [Дедков, 2005а, с. 121].

Гуманизм И. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философскими традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от И. Канта («человек (личность) – цель сама по себе»), а так же от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм – это гуманизм»). Это вполне определенно вытекает хотя бы и следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, «универсальным», проверяется через человека: от человека ведется всему счет... Человеком, его сбывшимися и несбывшимися возможностями, его судьбой все измеряется...» [Дедков, 1986, с. 24].

Менее чем через два месяца после приезда в Кострому, а если точнее, то 3-го ноября 1957 года Игорь Александрович в письме к Аркадию Макееву («Азику») пишет о том, что он «совсем не апологет марксизма». И приемлет марксизм «только в ряде пунктов». И совершенно не приемлет «то, что официально называют материалистическим взглядом на историю». При этом И. Дедков подчеркивает, что это не какое-то «временное разочарование», а «постоянно усиливающееся убеждение». «Говорят, что свобода – осознанная необходимость.- Пишет в одном из писем своей будущей жене И. Дедков. – Прежние марксисты понимали под необходимостью – объективно существующие законы. Но если сейчас то, что выдается за закон, не является законом объективного мира? В таком случае марксистская формулировка есть формула рабства, есть формула подчинения».

Для И. Дедкова близка отнюдь не марксистская концепция свободы, а гуманистическое понимание свободы как возможности выбора в ее экзистенциалистской интерпретации. Анализ текста «Дневника» свидетельствует, что Игорь Александрович интересовался философией и литературным творчеством французских экзистенциалистов и использовал их идеи в своей деятельности.

К примеру, в статье «Герои современной драмы», написанной в далеком 1968 году, он ссылается на работу известного советского философа Э. Соловьева под названием «Экзистенциализм», которая была опубликована в № 12 журнала

«Вопросы философии» за 1966 год [Дедков, 1989, с. 79]. В этой же статье литературный критик прямо заявляет о проявлении экзистенциальных идей в современной ему литературе: «Наряду с проблемой личной ответственности литературу все чаще занимают проблемы выбора, вины, страха, свободы, исторического самоотчета, веры, сохранения личности, «пограничной ситуации». Это вызывается растущим интересом к экзистенциализму, особенно французскому (Сартр, Камю)» [Дедков, 1989, с. 72–73]. В качестве примера он называет следующие литературные произведения советских авторов: А. Арбузов «Ночная исповедь», В. Тур «Бой с тенью», Л. Зорин «Варшавская мелодия», В. Розов «Затейник», Ю. Эллис «Авель, где твой брат Каин?»

Из дневниковой записи от 10-го апреля 1983 года следует, что Игорем Александровичем была прочитана книга Е. Кушкина «Альбер Камю. Ранние годы» [Дедков, 2005а, с. 404]. Вслед за ссылкой на эту книгу Игорь Александрович с большим сожалением пишет об ограниченности «духовной атмосферы (обстановки)», «о круго-зоре и миропонимании юного человека конца сороковых – начала пятидесятых годов», то есть поколения, к которому он сам принадлежит, Это способствовало «бедному, сжатому мышлению», [Дедков, 2005а, с. 404]. Преодоление этой «навязанной обстановки» было возможно почти исключительно «через библиотеку...», но это было индивидуальным актом», то есть экзистенциальный выбор. И, как вывод: «Пора бросить умиляться таким добродетелям, как... коммунистические идеалы» [Дедков, 2005а, с. 404]. Так встреча с экзистенциальной философией обогатила творческий арсенал этого литературного критика.

Знакомство с оригинальными текстами философов-экзистенциалистов началось еще до начала перестройки и массового издания их текстов в СССР. Так 14-го февраля 1985 года И. Дедков в «Дневнике» цитирует такие созвучные его гуманизму строки из «Письма немецкому другу» А. Камю: «Я хотел бы, чтобы любовь к моей родине была совместима с любовью к справедливости. Я не желаю моей родине любого величия, не желаю величия, которое зиждется на крови и лжи. Я хочу служить моей родине, служа справедливости...» [Дедков, 2005а, с. 444]. Из философских идей экзистенциализма И. Дедкова, прежде всего, волновали проблемы свободы, выбора, сопротивления и ответственности.

И. Дедков в одном из писем к А. Адамовичу охарактеризовал свою мировоззренческую позицию этикой «костремского экзистенциализма» [Из переписки, 2006, с. 158]. Это означало, что он, как и его современники, являясь по сути дела «спеленутыми» (его выражение из этого же письма) людьми, в то же время обладали некоторого рода внутренней (экзистенциальной) свободы и в, определенных рамках, могли ее транслировать, многое не договаривая, выражаясь полунамекками и обиняками. При этом, конечно, не исчезало «ощущение беспомощности человека, т. е. своей беспомощности», невозможности «докричаться» а, тем более, «взорвать» пассивное и беззаботное сознание» общества [Из переписки, 2006, с. 158]. Тем не менее, И. Дедков очень дорожил даже сильно ограниченным пространством своей внутренней духовной свободы и полагал, что в сложившихся условиях «возможен только один путь – путь духовного..., морального сопротивления». Сопротивления «индивидуального», то есть личного, без участия в каких-либо формальных или не формальных организациях или кружках [Дедков, 2013б, с. 39]. В. Яранцев даже называет мировоззренческую позицию Игоря Александровича «философией индивидуального сопротивления» [Яранцев, 2015, с. 135]. И это действительно так, зрелый И. Дедков это не апологет, а критик марксизма. Его гуманистические идеалы и ценности сближаются с экзистенциалистской философией и развиваются в их русле.

Заключение

Ф. Цанн-Кай-Си в подтверждение своей концепции эволюции мировоззрения И. Дедкова приводит одну из его фраз, записанную в «Дневнике» и связанную с глубоким духовным кризисом и разочарованием в идеалах перестройки и демократии. Как отмечает Федор Васильевич, в ситуации, когда произошел суд над КПСС и партия была запрещена, когда ее бывшие лидеры отрекались от коммунистического прошлого, И. Дедков нашел в себе мужество сказать: «Наверное, я коммунист...» [Цанн-Кай-Си, 2015а, с. 11]. Что, по-мнению, Ф. Цанн-Кай-си, свидетельствует о том, что будто бы даже на зкате жизни Игорь Александрович сохранял верность коммунизму и марксизму.

Но это не так. Во-первых, марксизм и коммунизм это не одно и то же. Во-вторых, фраза, приведенная Ф. Цанн-Кай-Си выхвачена из контекста и неверна. В подлиннике она звучит так:

«Наверное, я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к политической партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим» [Дедков, 2005а, с. 565]. Если для Ф. Цанн-Кай-Си первостепенное значение имеет слово «коммунист», то я полагаю, что «ключевыми» здесь выступают два других слова: «наверное» и «все-таки». Они выдают сомнения, неуверенность. Кроме этого речь-то здесь не о марксизме, а о его представлении, о коммунизме, коммунизме «по чувствам», по тому, что он в своем мировоззрении всегда считал и продолжает считать «справедливым и подлинно человеческим».

Стоит отметить, что в предложении, предыдущем выше процитированному отрывку из «Дневника», Игорь Александрович пишет вовсе не об основоположниках марксизма, а о русском философе Н. Федорове, высказывая надежду, что его философия «общего дела» когда-нибудь восторжествует» [Дедков, 2005а, с. 565]. Таков контекст фразы, произвольно выхваченной из текста воспоминаний И. Дедкова, неверно процитированной и ошибочно интерпретированной нашим уважаемым оппонентом.

Не знаю, сознательно или нет, но Ф. Цанн-Кай-Си не обращает внимания, на вполне определенную идеологическую позицию «поднего» И. Дедкова, открыто декларируемую им в своем дневнике. «Мне никогда не придет в голову, – пишет Игорь Александрович 21 июня 1992 года, – доказывать правоту коммунистического учения... Но и «свергать» т. н. «коммунистическую идею»... отвратительно» [Дедков 2005а, с. 551]. А пятнадцать днями раньше он еще более четко заявил о своей сугубо индивидуальной политической позиции: «Ни с теми я и не с другими: ни с «демократами», властвующими, ни с патриотами антисемитствующими, ни с коммунистами, зовущими за черту 85 года, ни с теми, кто предал рядовых членов этой несчастной, обманутой, запутавшейся партии...» [Дедков 2005а, с. 549].

Таким образом, онтологически гуманистическое мировоззрение И. Дедкова неразрывно связано с традициями русской духовной культуры, с русской литературой и русской философией, с методом критического реализма русской дореволюционной литературной критики, с ментальной интенцией русской духовной к справедливости, правде, истине, красоте, человечности и к гармоничному общественному устройству.

Библиографический список

1. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. Москва : Праксис, 2006. 392 с.
2. Бернштейн Э. Из статьи «Борьба социал-демократии и социальная революция» (Германия, январь 1898) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. Учебное пособие для студентов вузов по спец. «История». Москва : «Высшая школа», 1985. С. 36–37.
3. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. Москва : «Прогресс-Плеяда», 2005а. 792 с.
4. Дедков И. А. Индивидуальное – но сопротивление. (Интервью доктору исторических наук Е. Ю. Зубковой) // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Издательство МГУ, 2013б. С. 16–47.
5. Дедков И. А. Наши железные копыта // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013в. С. 118–122.
6. Дедков И. А. Спор о поколении // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013а. С. 14–16.
7. Дедков И. А. Обновленное зрение: Из шестидесятых в восьмидесятые. Москва : «Искусство», 1989. 318 с.
8. Дедков И. А. Эта земля и это небо. Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994. Кострома : «Костромаиздат», 2005. 430 с.
9. Дедков И. А. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. Москва : «Сов. Писатель», 1986. 392 с.
10. Дедков И. А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. Москва : ИЦ «АИРО-XX», 1995б. 156 с.
11. Дедков И. А. Эта незабытая далекая война. URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html> (дата обращения 30.08.2020).
12. Дедков И. А. Наше слово – не пустой репортерский звон // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. Москва : Изд-во МГУ, 2013а. С. 9–14.
13. Дедков И. А. Поддержание костра. // Кондратович А. Новомировский дневник (1967–1970): Воспоминания. Москва : «Советский писатель», 1991. С. 3–18.
14. Дурилов А. П. «Esse Homo» как становятся сами собой // Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Изд-во Костромского гос. технологического ун-та, 2015. С. 47–63.
15. Из переписки Игоря Дедкова с Василием Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. № 1. С. 136–168.
16. Елшина Т. А. Прозрение наступает. Но всегда запаздывает // Вопросы литературы, 2014. № 4. С. 139–163. URL: <https://voplit.ru/article/prozrenie>

nastupaet-no-vsegda-zapazdyvaet-k-80-letiyu-igorya-dedkova/ (дата обращения 30. 08.2020).

17. Зайцев А. В. И. А. Дедков: сентябрь пятьдесят седьмого // Кострома. Genus Loci : альманах / сост. и отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. Вып. 3. С. 11–15.

18. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1958 по 1850 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 5–110.

19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23, 907 с.

20. Ожегов С. Н. Толковый словарь русского языка // Российская академия наук. Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

21. Словарь синонимов / Строгий – синонимы и близкие по смыслу слова. URL: <https://wordsynonym.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9> (дата обращения 30. 08.2020).

22. Цанн-Кай-Си Ф. В. И. Дедков: от «строгости марксизма» к реальному гуманизму // Костромской гуманитарный вестник, 2015а. № 2 (9). С. 11–16.

23. Цанн-Кай-Си Ф. В. К вопросу об общественном идеале Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Издательство Костромского государственного технологического университета, 2015б. С. 110–127.

24. Яранцев В. Н. Творческие доминанты и универсалии литературной критики Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Издательство Костромского государственного технологического университета, 2015. С. 129–142.

Reference list

1. Al'tjusser L. Za Marksa = For Marx / per. s franc. A. V. Denezhkina. Moskva : Praxis, 2006. 392 s.

2. Bernshtejn Je. Iz stat'i «Bor'ba social-demokratii i social'naja revoljucija» (Germanija, janvar' 1898) = From «The Struggle of Social Democracy and the Social Revolution» (Germany, January 1898) // Sbornik dokumentov po istorii rabochego i socialisticheskogo dvizhenija stran Evropy i SShA. Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov po spec. «Istorija». Moskva : «Vysshaja shkola», 1985. S. 36–37.

3. Dedkov I. A. Dnevnik. 1953–1994 = Diary. 1953–1994. Moskva : «Progress-Plejada», 2005a. 792 s.

4. Dedkov I. A. Individual'noe – no soprotivlenie. (Interv'ju doktoru istoricheskikh nauk E. Ju. Zubkovej) = Individual – but resistance. (Interview with Elena Zubkova, Doctor of History) // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izdatel'stvo MGU, 2013b. S. 16–47.

5. Dedkov I. A. Nashi zheleznye kopyta = Our iron hooves // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga

vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013v. S. 118–122.

6. Dedkov I. A. Spor o pokolenii = The debate on generation // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013a. S. 14–16.

7. Dedkov I. A. Obnovlennoe zrenie: Iz shestidesjatyh v vos'midesjatyh = Renewed vision: From the sixties to the eighties. Moskva : «Iskusstvo», 1989. 318 s.

8. Dedkov I. A. Jeta zemlja i jeto nebo. Ocherki. Zametki. Interv'ju. Dnevnikovyje zapisi o kul'ture provincii 1957–1994 = This land and this sky. Essays. Notes. Interviews. Diary notes on provincial culture 1957–1994. Kostroma : «Kostromaizdat», 2005. 430 s.

9. Dedkov I. A. Zhivoe lico vremeni: Ocherki prozy semidesjatyh-vos'midesjatyh = The Living Face of Time: Essays on the Prose of the Seventies and Eighties. Moskva : «Sov. Pisatel'», 1986. 392 s.

10. Dedkov I. A. Ljubit'? Nenavidet'? Chto eshhe?.. Zametki o literature, istorii i nashej bystrotekushhej absurdoj zhizni = To love? To hate? What else? Notes on literature, history and our fast-paced absurd life. Moskva : IC «AIRO-HH», 1995b. 156 s.

11. Dedkov I. A. Jeta nezabytaja dalekaja vojna = That unforgotten distant war. URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaja-dalekaya-voyna-predislovie.html> (data obrashhenija 30. 08. 2020).

12. Dedkov I. A. Nashe slovo – ne pustoj reporterskij zvon = Our word is not an idle reporter's buzzword // Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremja. Kniga vospominanij, statej i interv'ju. Moskva : Izd-vo MGU, 2013a. S. 9–14.

13. Dedkov I. A. Podderzhanie kostra = Keeping the fire burning // Kondratovich A. Novomirovskij dnevnik (1967–1970): Vospominanija. Moskva : «Sovetskij pisatel'», 1991. S. 3–18.

14. Durilov A. P. «Esse Homo» kak stanovjatsja sami soboj = «Esse Homo» as they become themselves // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija: al'manah / sost. i отв. ред. Т. А. Елшина. Кострома : Изд-во Костромского гос. технологического un-ta, 2015. S. 47–63.

15. Iz perepiski Igorja Dedkova s Vasiliem Bykovym i Alesem Adamovichev = From Igor Dedkov's correspondence with Vasiliy Bykov and Ales Adamovich // Znamja. 2006. № 1. S. 136–168.

16. Elshina T. A. Prozrenie nastupaet. No vseгда zapazdyvaet = An epiphany is imminent. But it is always late // Voprosy literatury, 2014. № 4. S. 139–163. URL: <https://voplit.ru/article/prozrenie-nastupaet-no-vsegda-zapazdyvaet-k-80-letiyu-igorya-dedkova/> (data obrashhenija 30. 08.2020).

17. Zajcev A. V. I. A. Дедков: sentjabr' pjat'desjat sed'mogo = I. A. Dedkov: September fifty-seventh // Kostroma. Genus Loci : al'manah / sost. i отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственной университет, 2020. Вып. 3. С. 11–15.

18. Marks K. Klassovaja bor'ba vo Francii s 1958 po 1850 = The class struggle in France from 1958 to 1850 // K. Marks, F. Jengel's. Sочinenija. Изд. 2-е. Т. 7. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. S. 5–110.

19. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoj zkonomii. Tom 1 = Capital. The Critique of Political Economy. Volume 1 // K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. Izd. 2-e. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1960. T. 23, 907 s.

20. Ozhegov S. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language // Rossijskaja akademija nauk. In-t russkogo jaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moskva : OOO «ITI Tehnologii», 2003. 944 s.

21. Slovar' sinonimov = Dictionary of Synonyms / Strogij – sinonimy i blizkie po smyslu slova. URL: <https://wordsynonym.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9> (data obrashhenija 30. 08.2020).

22. Cann-Kaj-Si F. V. I. Dedkov: ot «strogogo marksizma» k real'nomu gumanizmu = Dedkov: from

«strict Marxism» to real humanism // Kostromskoj gumanitarnyj vestnik, 2015a. № 2 (9). S. 11–16.

23. Cann-Kaj-Si F. V. K voprosu ob obshhestvennom ideale Dedkova // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija = On Dedkov's social ideal // Dedkov: Essays, articles, memoirs : al'manah / sost. i otv. red. T. A. Elshina. Kostroma : Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta, 2015b. S. 110–127.

24. Jarancev V. N. Tvorcheskie dominanty i universalii literaturnoj kritiki Dedkova = The creative dominants and universals of Dedkov's literary criticism // Dedkov: ocherki, stat'i, vospominanija: al'manah / sost. otv. red. T. A. Elshina. Kostroma : Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta, 2015. S. 129–142.